

Е. М. Лбова

Наследник Серебряного века: интервью с Ренэ Герра

Лбова Екатерина Михайловна

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук,
ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8748-5095
e-mail: kate.lbova@gmail.com

© Е. М. Лбова, 2025

Для цитирования: Лбова Е. М. Наследник Серебряного века: интервью с Ренэ Герра // Книга. Чтение. Медиасреда. 2025. Т. 3, № 3. С. 235–244. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-3-2>.

E. M. Lbova

Successor of the Silver Age: Interview with Rene Guerra

Lbova Ekaterina M.

State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Voskhod st., 15, Novosibirsk, 630102, Russia,
Senior Researcher
ORCID: 0000-0001-8748-5095
e-mail: kate.lbova@gmail.com

Citation: Lbova E. M. Successor of the Silver Age: Interview with Rene Guerra // Book. Reading. Media. 2025. Vol. 3, No. 3. P. 235–244. <https://doi.org/10.20913/BRM-3-3-2>.

Вступление

Ренэ Герра¹ – доктор филологических наук, французский славист и коллекционер; президент Общества по сохранению русского культурного наследия во Франции, основатель и владелец книжного издательства «Альбатрос». С 2004 г. – почетный зарубежный член Российской академии художеств. При его участии было выпущено более 40 книг о писателях и художниках-эмигрантах. Также является автором более 400 научных и публицистических статей по литературе и искусству русской эмиграции.

Имя французского слависта Ренэ Герра хорошо известно всем, кто интересуется историей первой волны русской эмиграции во Франции. Причина этому – удивительная судьба ученого, посвятившего всю свою жизнь сохранению русских культурных ценностей. Результатом его труда стала уникальная частная коллекция, затрагивающая различные грани русской художественной эмигрантской культуры XX в.

Как же так получилось, что житель Ниццы, «темпераментный француз, из альпийских горцев», как сам себя называет Ренэ Герра, заинтересовался русской эмиграцией первой волны? Возможно, личное знакомство с нашим героем не вызвало бы у читателя такого вопроса. Ведь даже внешне ученый напоминает жителя дореволюционной России.

¹ Все иллюстрации для статьи Р. Герра любезно предоставил из своей коллекции.

Портрет Р. Герра работы Ю. Анненкова, 1970 г.
Portrait of R. Guerra by Yu. Annenkov, 1970

Российский литературный критик Лев Аннинский так описал Ренэ Герра: «Он еще более русский, чем все русские! В его седоватой окладистой бороде есть что-то провинциально-купеческое. <...> В больше-лобой, склоненной вперед голове, в умных, дерзких, смеющихся глазах! Русак! Природный русак! И похож разом на Гарибальди и на Достоевского»². Это тот самый случай, когда внешность отражает внутренний мир человека.

Еще одна характерная черта Ренэ – приверженность своему делу. В его научной работе сочетаются страсть, увлечение, озарение и упорный труд, определяющие миссию истинного исследователя³. Французский ученый с детства искренне любил русский язык и культуру. Ранние знакомства с выдающимися представителями белой эмиграции предопределили его дальнейшую научную судьбу. Ренэ Герра, вспоминая это время, характеризует представителей русской диаспоры как «уникальный уходящий мир», который не мог не очаровать начитанного юношу из интеллигентной семьи. Так, шаг за шагом, движимый сначала интересом и восхищением, а позже искренней любовью он напишет кандидатскую и докторскую диссертации. Основной тезис его трудов сводится к исключительной научной идее о том, что «Серебряный век, начавшись в России в конце XIX в., продолжился

и завершился в конце 1930-х гг. во Франции, “ставшей второй Родиной для русских эмигрантов – писателей, художников, философов, артистов”»⁴.

Как истинному энтузиасту своего дела, Ренэ хотелось не только изучить, но и сохранить свидетельства этого «уникального уходящего мира», что и получилось само собой. Русские эмигранты, видя его душевное отношение к себе, доверяли ему свои книжные и картинные сокровища, тем более что в 1960–1970-е гг. во Франции они рисковали быть безвозвратно утраченными за ненадобностью. Французские слависты того времени придерживались преимущественно коммунистических взглядов, поэтому культурные достижения русской эмиграции их мало интересовали. Наследники же также считали изданные в эмиграции книги ненужным хламом и в основном избавлялись от них после смерти владельцев. Ренэ Герра по мере возможности старался все это спасти. Вот один из случаев, произошедших с библиотекой и архивом его подруги, поэтессы Ольги Можайской, который он вспоминает в своей беседе с Михаилом Сеславинским: «Она была одинокой и умерла, когда ей было под девяносто. Я отправился к ней домой. А из Брюсселя приехала ее дочка, с которой у Ольги Николаевны были сложные отношения. Вхожу, квартирка двухкомнатная, на полу разбросаны книги, письма. Я представился дочери. Она говорит: “Я все выкидываю. Через три часа мне надо отдать ключи”. Я спросил: “А нельзя ли у вас купить эти книги?” – “Какая дикая мысль – я вам их просто отдам”. Я был счастлив, что спас библиотеку и архив. А не приехал бы... Все пошло бы на помойку»⁵.

Так постепенно из спасенных и подаренных самими эмигрантами библиотек и архивов сформировалась коллекция Ренэ Герра, для описания которой потребуется не один увесистый энциклопедический том. Приведем некоторые факты, позволяющие ощутить исключительность сокровищницы слависта. В настоящее время коллекция насчитывает более 50 000 томов редких книг, периодических изданий, несколько тысяч неопубликованных автографов и фотографий. Почти треть книг содержит подписи, пометки и дарственные надписи, сделанные собственноручно И. А. Буниным, Б. К. Зайцевым, И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, А. Белым, А. А. Блоком, А. В. Сухово-Кобылиным (рис. 1).

Собрание русской эмигрантской периодики Ренэ Герра является одним из наиболее полных в мире и включает практически все сборники стихов

⁴ Звонарева Л. С. Миф о Серебряном веке и культура Русского Зарубежья // Серебряный век Ренэ Герра. С. 33.

⁵ Сеславинский М. В поисках утерянных сокровищ. Беседа библиофила М. Сеславинского с Ренэ Герра // Герра Р. «Когда мы в Россию вернемся...». Санкт-Петербург, 2010. С. 556.

² Звонарева Л. С. Серебряный век Ренэ Герра. Санкт-Петербург : Росток, 2012. С. 494.

³ Касавина Н. А. Миссия ученого в «расколдованном» мире // Вопросы философии. № 7, 2019. С. 31.

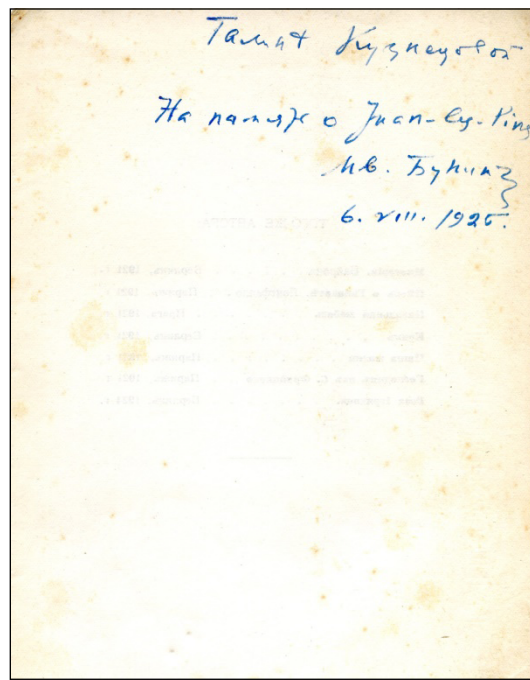

Рис. 1. Ив. Бунин. Митина любовь. Париж, 1925. Дарственная надпись автора Г. Кузнецовой
Fig. 1. Iv. Bunin. *Mitina Lyubov'* (Mitya's Love). Paris, 1925. Inscription by the author to G. Kuznetsova

поэтов «незамеченного поколения»⁶. Жемчужинами коллекции, о которых сам Рене рассказывает с гордостью, можно назвать архив А. М. Ремизова, состоящий из писем, рукописей, рукописных альбомов, рисунков и коллажей писателя; личную переписку и первые издания книг И. А. Бунина, Б. К. Зайцева (рис. 2), З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, М. И. Цветаевой, И. С. Шмелева; первый вариант «Грасского дневника» Г. Н. Кузнецовой и ее переписку с И. А. Буниным. Особую ценность представляют несколько тысяч преимущественно дореволюционных писем К. Д. Бальмонта, его стихи, черновые наброски, а также часть дореволюционного архива М. К. Тенишевой: письма И. Ф. Стравинского, С. С. Прокофьева, С. П. Дягилева, И. Я. Билибина, А. Н. Бенуа и даже М. А. Врубеля.

Академик Д. С. Лихачев, характеризуя коллекцию французского слависта, говорил, что она «знакомит нас не только с мэтрами русской культуры, но и с малоизвестными для нас художниками, писателями, тем самым расширяя наше представление о «второй» русской культуре, нам близкой и одновременно – так малоизвестной за целых три четверти века»⁷.

Помимо изучения и коллекционирования, Рене Герра реализовал себя как издатель и меценат. Эта сторона его деятельности также стала следствием его искренней душевной привязанности

к русским друзьям. Многие из них, несмотря на преклонный возраст, продолжали писать, хотя в конце 1960-х гг. издавать в Париже русские эмигрантские книги было проблематично.

Многие издательства к тому времени уже закрылись, а оставшиеся, как, например, «Рифма», печатали произведения только определенного круга авторов. Рене, получив опыт издательской деятельности в «Рифме» (там он трудился девять лет художественным редактором и корректором), решил создать в 1980 г. собственную марку «Альбатрос». Всего в издательстве с 1980 по 2006 г. было выпущено 36 книг, среди которых стихи и произведения его друзей-эмигрантов Е. Л. Таубер, С. Шаршуна, С. Голлербаха, Ю. Терапиано и др.

Активная деятельность Рене Герра в Обществе охраны русских культурных ценностей П. Е. Ковалевского вдохновила его на создание собственной Ассоциации по защите и сохранению русского культурного наследия во Франции в декабре 1991 г. Основной целью ассоциации стало «распространение и изучение русской культуры во Франции во всех ее формах и проявлениях»⁸. При этом речь шла не только о сохранении искусства русской эмиграции первой волны, но и о поддержке новых талантов – современных художников и писателей. При ассоциации был создан почетный комитет, в который вошли писательница и журналистка Зинаида Шаховская, писатель и поэт князь Николай Оболенский, художники Александр Серебряков, Олег Цингер, Сергей Голлербах.

⁸ Герра Р. Франко-русский дом в Бер-Лез-Альп // «Когда мы в Россию вернемся...». Санкт-Петербург, 2010. С. 488.

⁶ «Незамеченное поколение» – характеристика молодых писателей и поэтов первой волны русской эмиграции, предложенная В. С. Варшавским (Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 388 с.).

⁷ Звонарева Л. Серебряный век Рене Герра. С. 474.

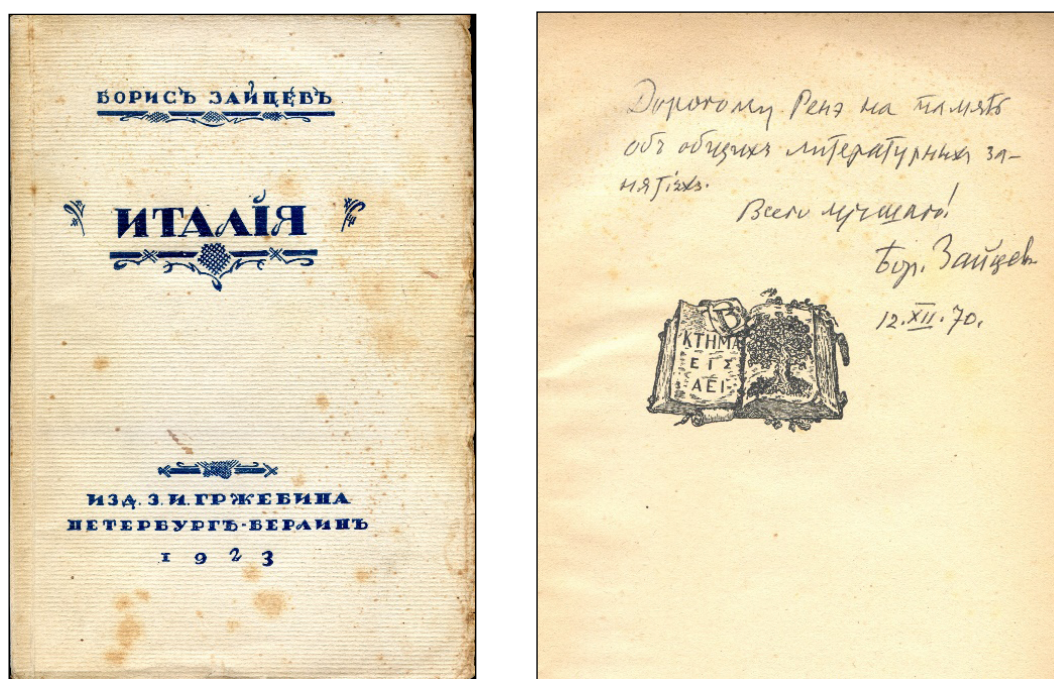

Рис. 2. Борис Зайцев. Италия. Изд. 3. И. Гржебина, Петербург – Берлин, 1923.

Дарственная надпись автора Р. Герра

Fig. 2. Boris Zaitsev. Italy. Z. I. Grzhebin, St. Petersburg – Berlin, 1923. Gift inscription to R. Guerra

Для развития и укрепления русско-французских творческих связей братья Герра выделили особняк в Бер-Лез-Альп, ставший творческим центром ассоциации, – Франко-Русский Дом, директором которого стал брат Ренэ – Ален Герра. На втором этаже Дома круглогодично могли жить и работать русские художники и писатели. Пространство первого этажа с выходом на центральную площадь Бер-Лез-Альп, было специально оборудовано под художественные выставки.

Кроме того, Ренэ Герра активно поддерживает русских ученых, изучающих русскую эмиграцию во Франции, давая возможность каждому желающему ознакомиться с его архивами и книжным собранием. Он регулярно выступает на научных конференциях, публикуется в журналах и охотно дает интервью.

Заключение

Будучи «наследником Серебряного века», как сам о себе говорит Ренэ Герра, ученый в своей работе следует традициям, заложенным русскими эмигрантами первой волны. Он продолжает бороться за сохранение и распространение знания о русских культурных ценностях через издательскую и общественную деятельность, активно публикуется в научных журналах и выступает с докладами.

Коллекция русского эмигрантского искусства, собранная Ренэ Герра, уникальна. При знакомстве с ней приходит понимание, что русские эмигранты сделали правильный выбор, доверив французскому ученому свои архивы. Каждый экземпляр кол-

лекции – будь то небольшая брошюра или редкое первое издание – одинаково важен для Ренэ Герра. Аккуратно выставленные на полках шкафов в ниццком особняке издания неразрывно связаны для ученого с событиями его собственной жизни, с воспоминаниями, с которыми он просто не может расстаться. Возможно, в этой искренней любви и преданности делу и таится секрет успеха Ренэ Герра, ведь все, что он делал и делает, является данью памяти его друзьям – «великим изгнанникам».

Господин Ренэ Герра любезно согласился ответить на вопросы, подготовленные автором статьи.

Вы уже не раз рассказывали о том, как решили стать славистом, но, думаю, не лишним будет снова вспомнить, как и когда появился у Вас интерес к русскому языку и русской культуре?

Это была судьбоносная случайность. Совершенно неожиданно, волею судьбы, в Каннах к моей маме⁹, директрисе женской гимназии, пришла одна пожилая русская дама и сказала: «У вас учится моя внучка. Я узнала, что Вы раньше преподавали математику. Не могли бы Вы дать ей уроки?» Моя мама не давала частных уроков, поскольку не была бедной, но та женщина ей понравилась, и мама согласилась. Эту женщину звали Валентина Павловна Рассудовская, и взамен она предложила уроки русского языка для нас. Маме это предложение казалось малоинтересным. Она была яркой антикоммунисткой и не знала,

⁹ Мари-Жанн Родольфи (1916–2005).

кто такие русские белоэмигранты. Казалось бы, зачем нужен русский язык? Тем не менее она сказала: «Я спрошу». И спросила у меня, а я ответил: «Почему бы и нет, посмотрим».

Валентина Павловна по-французски не говорила, и я сразу стал все учить по-русски и увлекся. Сами понимаете, экзотика. Уроки математики кончились, а уроки русского продолжались. Хотя сложно было назвать это уроками в полном смысле слова. Обычно я сидел у них дома по два-три часа, слушал разговоры, наблюдал. Муж учительницы был подпоручиком Белой армии, работал батраком между Каннами и Грассом. Очень милый человек. У них дома часто бывали белогвардейцы, и меня всегда поражало достоинство, с которым они держались. Так я попал в русскую среду и уже через год свободно говорил на русском.

Очень интересно, а мне казалось, что Вашим первым учителем русского языка была Екатерина Таубер. Как Вы с ней познакомились? И какова была ее роль в Вашей судьбе?

Спустя год судьба свела меня с Екатериной Леонидовной Таубер¹⁰, ставшей моим проводником в литературный мир русской эмиграции (рис. 3).

Причем это знакомство произошло через преподавателя древнегреческого и латыни, идейного коммуниста. Он поначалу пытался обучать меня русскому, но на первом же занятии я встал и сказал ему: «Вы преподаете латынь, древнегреческий, а это все мертвые языки. Русский же, по-моему, – живой язык, а вы не можете и фразу по-русски нормально сказать». Он понял, что мне не было смысла посещать эти занятия, и обратился к Екатерине Таубер, которая согласилась его поддержать. Это была очень милая, интеллигентная дама, ко всему прочему еще и известная поэтесса. На тот момент она жила в Мужене, недалеко от Грасса. Ее муж Константин Старов, офицер царской армии, работал на виноградниках.

При первом знакомстве Екатерина Леонидовна сразу поняла, что я духовный сын белогвардейцев и что для нее я – шанс остаться в истории. Я же понял, что она не просто учительница, а еще и поэтесса, причем довольно известная. Возникшее взаимопонимание стало залогом последующего дружеского общения.

¹⁰ Екатерина Леонидовна Таубер (1903–1987) – русская поэтесса и прозаик, критик. В 1920-х гг. вместе с семьей эмигрировала в Белград. Выпускница французского отделения философского факультета Белградского университета, преподавала в сербской школе французский, немецкий языки и русскую литературу. Активная участница литературного кружка «Литературная среда» (Белград). После Второй мировой войны 16 лет работала учительницей русского языка в Каннах. В круг ее общения входили И. Бунин, Б. Зайцев, Д. Кленовский. Вела активную литературную жизнь, писала критические статьи, преимущественно об эмигрантах.

Вообще, Екатерина Таубер была поражена моим русским языком, тем, что я говорил без ошибок. Позже она спросила меня: «Откуда у вас такой русский язык?» Я рассказал ей про Рассудовских, но она с ними не была знакома. Знаете, в Каннах, как и в Ницце, были представители разных слоев дореволюционного русского общества, и всех знать было невозможно. Так и определилась моя дальнейшая судьба.

Затем для экзамена на аттестат зрелости я выбрал русский в качестве первого языка и был единственным на весь департамент Приморские Альпы. Для меня специально из Парижа прислали специалиста на экзамен, который я успешно сдал. Благодаря этому я уехал в столицу, чтобы поступать в Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO). Там я познакомился с детьми эмигрантов, и все были поражены, откуда я так хорошо знаю русский язык. Люди до сих пор поражаются, что я говорю без ошибок. А дело в том, что я полюбил русский язык и культуру благодаря первым эмигрантам. И я им за это до гроба признателен. Без них я бы не стал славистом-русистом. Вот видите, пути Господни неисповедимы.

А в Ницце не было возможности стать славистом? Ниццкий университет – один из самых крупных во Франции.

В Университете Ниццы не было русского языка, хотя это четвертый город по величине во Франции. На это есть много причин. Самая очевидная состоит в том, что многие французские профессора разделяли коммунистические взгляды и презирали белых эмигрантов. С их точки зрения, в эмиграции оказались неудачники, уехавшие из страны светлого будущего. Поэтому все, что было связано с Россией, тем более с Россией дореволюционной, особого интереса не вызывало.

Вернемся к воспоминаниям об учебе в Париже. Как Вы познакомились с Б. К. Зайцевым?

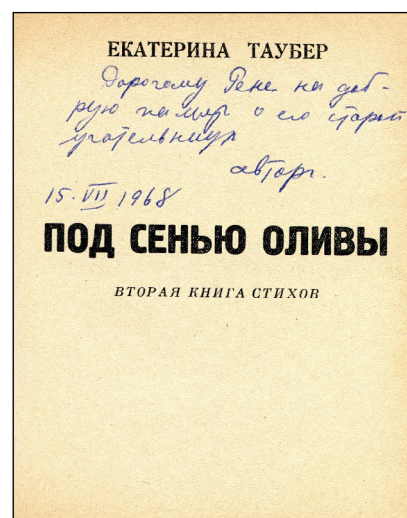
В Париже мой русский круг общения заметно расширился. Это была элита великой страны, царской России. Когда пришло время писать магистерскую диссертацию (по-вашему – дипломную работу), я выбрал творчество русского эмигрантского писателя Бориса Константиновича Зайцева¹¹. Некоторые коллеги, французские профессора, на меня косо смотрели, когда я сказал, что хочу написать диссертацию о Б. К. Зайцеве. Я же говорил им: «Это мой человек, я пишу о нем. Он прожил во Франции больше полувека и писал здесь книги. Его переводили на французский». По большому счету мне было все равно. Я не карьерист.

Также у коллег вызывал вопросы мой уровень владения русским языком. Сами они говорили

¹¹ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) – писатель, переводчик, эмигрант первой волны.

а

б

Рис. 3. Фотографии из личного архива Рене Герра: а – Р. Герра в гостях у Е. Таубер. Мужен, Пасха, 1983; б – Таубер Е. Под сенью оливы. Вторая книга стихов. Париж, 1948. Дарственная надпись автора Р. Герра
Fig. 3. Photos from Rene Guerra's personal collection: а – R. Guerra visiting E. Tauber. Mougins, Easter, 1983.
b – E. Tauber. Under the Shade of the Olive Tree. Second Book of Poems. Paris, 1948. Gift inscription to R. Guerra

плохо по-русски, примерно так же, как я по-китайски. От этого пошла легенда по университету, что я не Рене Герра, а Роман Герасимов.

Позднее, на военной службе, русский мне очень пригодился, когда я был переводчиком-синхронистом кабинета министров. У меня даже была машина с водителем. И я много интересного видел во время встреч с делегациями из СССР. И все это потому, что я был единственным русистом, компетентным французским переводчиком.

Летом 1967 г. я нашел координаты Бориса Константиновича. Сначала написал ему письмо из Ниццы. Он тут же ответил обратной почтой: «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!» (рис. 4).

Думаю, он обрадовался. Ему было уже за восемьдесят, и наконец какой-то французский славист заинтересовался его судьбой.

А среди детей русских эмигрантов не было желающих изучать творчество русских писателей?

Так получилось, что в Париже я был первым. Были, конечно, дети эмиграции, но они стеснялись своего прошлого, а французские слависты отдавали предпочтение советской литературе.

Когда я оказался в Париже, мы с Борисом Константиновичем познакомились уже лично. Он меня принимал у себя, был очень бодрым, радостным. Борис Зайцев оказался милейшим человеком, очень порядочным. Благодаря ему, последнему русскому классику, я попал в особый русский мир и после уже сам стал его частью. Спустя некоторое время в Париже и Ницце я знал уже практически всех представителей белой эмиграции.

Вы самостоятельно связались с Б. К. Зайцевым, не задействуя уже существующие эмигрантские знакомства?

Ну естественно. Как я уже сказал, когда я попал к Б. К. Зайцеву, он обрадовался, что какой-то странный француз заинтересовался его творчеством. Он был милейшим человеком и помог мне написать кандидатскую диссертацию. Он был моим героем.

После изучения наследия Б. К. Зайцева я исследовал творчество И. А. Бунина. И. А. Бунин жил в Грасе и часто бывал в Ницце, которую обожал. Так что у нас было много общего.

И это не удивительно – Ницца прекрасна! На юге Франции в то время, наверное, было много русских?

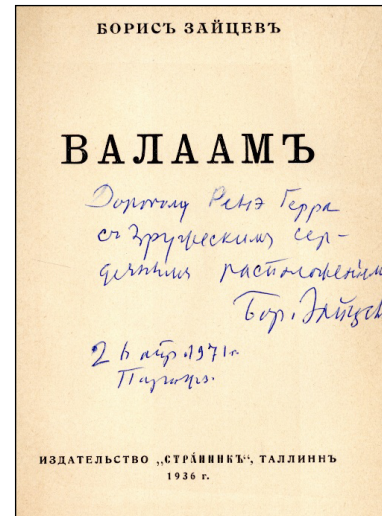
Да, и сейчас в Ницце одни русские. Иду по улице и слышу русскую речь. Ницца всегда была самым русским городом за пределами России.

Неспроста русские эмигранты выбрали Ниццу. Здесь в начале XX в. был построен уникальный русский православный Николаевский собор. Выбрав изгнание, они поступили правильно. Все же лучше жить в Каннах, мировой столице кинофестиваля, чем где-либо еще. Тогда в Ницце и Каннах было много русских эмигрантов. Многих я знал лично, и ни одного плохого человека я не встретил. Они не жаловались на судьбу, не критиковали Советский Союз.

Позже, когда я поехал в СССР в 1968 г. как стажер-аспирант Сорбонны, эти знакомства мнегодились. Благодаря рекомендациям от русских эмигрантов я познакомился с К. И. Чуковским, и мы подружились. Он совершенно не понимал, откуда взялся такой француз, хорошо знающий русский. Но мне кажется, он понял, что я – залог

а

б

Рис. 4. Фотографии из личного архива Рене Герра: а – Б. Зайцев и Р. Герра. Париж, 1967; б – Борис Зайцев. Валаам. Изд. «Странник», Таллинн, 1936. Дарственная надпись автора Р. Герра
Fig. 4. Photos from Rene Guerra's personal collection: а – B. Zaitsev and R. Guerra. Paris, 1967. б – Boris Zaitsev. Valaam. Published by Strannik, Tallinn, 1936. Gift Inscription to R. Guerra

будущего: я буду о нем писать, говорить и т. д. Он был умнейшим человеком, представителем дореволюционной русской интеллигенции.

Он меня принимал в Переделкине, рассказывал много интересного. Конечно, жалел, что не уехал в свое время. В нашу последнюю встречу он сказал мне: «Я ненавижу эту страну». После этой встречи меня выслали из Советского Союза. И это притом, что я был официальным представителем Сорбонны в МГУ. Потом французы недоумевали: «Что такое сделал Рене Герра, что его выслали из Советского Союза?» Это, конечно, не помешало особо моей карьере, но и не помогло. В итоге я получил запрет на въезд в СССР на 15 лет, стал персоной нон грата в Советском Союзе.

Кто конкретно направил Вас к К. И. Чуковскому?

К нему меня направил Борис Зайцев. Корней Чуковский понял, что я не простой студент коммунист, а духовный сын белогвардейцев. Удивительно, но история потом показала, что я сделал правильный выбор.

Сотрудничаете ли Вы с французскими исследователями? Возможно, к Вам обращаются представители Русской общественной библиотеки им. И. С. Тургенева или Национальной библиотеки Франции?

Во-первых, никто не обращается. Во-вторых, сейчас снова непростое время. Сейчас люди боятся со мной общаться, и я их понимаю. Неизвестно, что будет завтра. Меня тревожит, что будет дальше в России. Потому что вся моя жизнь связана с русской культурой.

Были ли у Вас студенты, интересующиеся русской эмиграцией? Писал ли кто-то под Вашим руководством диплом по этой теме?

Да, но до распада Советского Союза изучение культурного наследия белой эмиграции считалось бесперспективным. Все, что было связано с белой эмиграцией во Франции, было подозрительно. А сейчас, в силу политических обстоятельств, эта тема также неактуальна.

Публиковались ли Вы в России?

Я кое-что печатал в России. Писал не для российской публики, а как дань памяти великим изгнанникам. Писал об И. А. Бунине, Б. К. Зайцеве, И. Одоевцевой. На сегодняшний день я автор 40 книг и более 400 статей о русской культуре XX в.

Расскажите о Вашей коллекции. Как она формировалась?

Я не просто коллекционер, я – собиратель земли русской. Так кто-то обо мне сказал. Не я. Кроме книг у меня есть большая коллекция картин: несколько сот картин русских художников-эмигрантов. Я ими горжусь, потому что никто этим во Франции не интересовался.

В Париже я познакомился со многими эмигрантами благодаря Б. Зайцеву. Как я уже говорил, это был уникальный уходящий мир, потому что всем уже было далеко за 70 лет. Потом я написал кандидатскую, затем докторскую диссертацию о литературе белой эмиграции. Это потом стало наконец актуально писать об И. А. Бунине, А. М. Ремизове, Ю. П. Анненкове, Г. В. Иванове, Г. Газданове и др., а тогда это было бесперспективно с точки зрения карьеры.

Я уже тогда понимал, что это цвет русской литературы. В Париже было много русских, и ни одного плохого человека среди них я не встречал. Ходил в русскую церковь, бывал в Русской консерватории им. С. В. Рахманинова на набережной Сены. Там проходили лекции, на которых я выступал на русском языке. Помню, зал был полон белоэмигрантами. У меня есть фотографии, на которых я сижу на трибуне рядом с Б. Зайцевым.

В 1969 г. я познакомился с Юрием Анненковым, так же без каких-либо рекомендаций. Нашел его номер в телефонном справочнике и договорился о встрече. Позже, в 1970 г., он сделал мой портрет. В Париже я жил тогда в общежитии Международного студенческого городка, и он приходил ко мне на сеансы живописи.

Знаете, когда он предложил меня написать, я заплакал. Ведь он делал портреты великих людей. И мой портрет он сделал от души, бесплатно. Для меня это была такая честь! (рис. 5).

Вы начали собирать коллекцию из-за личного интереса?

Я из интеллигентной семьи и понял, что это надо собирать. Иначе это все пропадет. Я целенаправленно, целеустремленно собирал свою коллекцию.

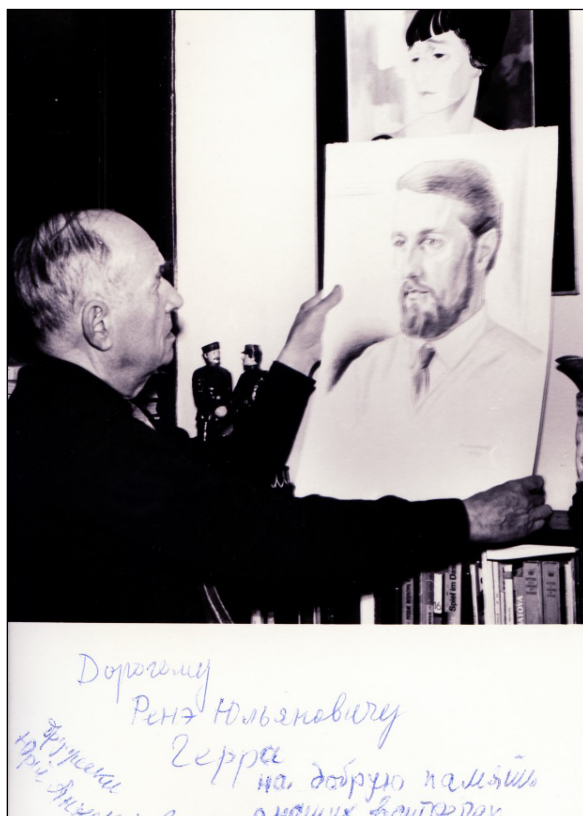

Рис. 5. Ю. Анненков с портретом Р. Герра.
Париж, 1970

Fig. 5. Yu. Annenkov with a portrait of R. Guerra.
Paris, 1970

Когда Юрий Анненков дарил мне свои работы, я всегда просил его их подписать. Это нужно было для того, чтобы меня в дальнейшем не обвинили в воровстве. В моем доме несколько тысяч подаренных мне книг. Эмигранты знали, что я друг Бориса Зайцева, и доверяли мне свои сокровища. Ведь Борис Зайцев – последний классик, который был ярким антикоммунистом.

Большую часть коллекции Вам подарили?

Поначалу книги и картины дарили. И все это было оттого, что я был единственным, кому их можно было доверить. Эмигранты были поражены моим русским языком. Они понимали, что для них я был залогом будущего.

А дальше я уже сам стал покупать картины на аукционах. У меня есть работы М. В. Добужинского, Д. Д. Бушена¹² (многие подарены им лично), М. З. Шагала, С. И. Шаршуна¹³. С Марком Шагалом я также был знаком лично. Зинаида Серебрякова тоже дарила мне свои картины. Так, в Париже и Ницце у меня собралось несколько сот картин.

У меня самое большое собрание произведений А. М. Ремизова. Есть все его книги (в том числе и рукописные), книги с автографами и дарственными надписями. В моем доме целая комната – это один только Ремизов. У меня много его уникальных работ. К сожалению, я его не знал лично, но знал многих из его окружения. На мой взгляд, Алексей Михайлович Ремизов – фигура номер один Серебряного века, уникальный человек. Гениальный художник и писатель. Его ведь даже переводили на французский язык.

Есть ли у вас в коллекции документы, связанные с дореволюционной российской историей?

Мало. Эмигранты мало чего увезли с собой. Потом это меня не очень интересовало.

Есть ли у Вас каталог коллекции?

Нет, это очень большая работа, но у меня есть отдельные публикации о моих книгах. В 2021 г. вышел мой 4-томник «Художники Зарубежной России в искусстве книги»¹⁴.

Кого Вы перечитываете из эмигрантов? Есть ли у Вас любимый автор?

Любимые авторы, конечно же, – это И. А. Бунин, Б. К. Зайцев (у меня есть все его книги), А. М. Ремизов. И эмигрантские поэты тоже.

¹² Бушен Дмитрий Дмитриевич (1893–1993) – театральный художник, сценограф, декоратор, модельер, живописец, график.

¹³ Шаршун Сергей Иванович (1888–1975) – писатель и художник.

¹⁴ Герра Р. Ю. Художники зарубежной России в искусстве книги = Peintres de la Russie hors frontières et l'art du livre : Les peintres de la Russie hors frontières et l'art du livre : 4 т. / Рене Герра. Алматы : Dën, 2021.

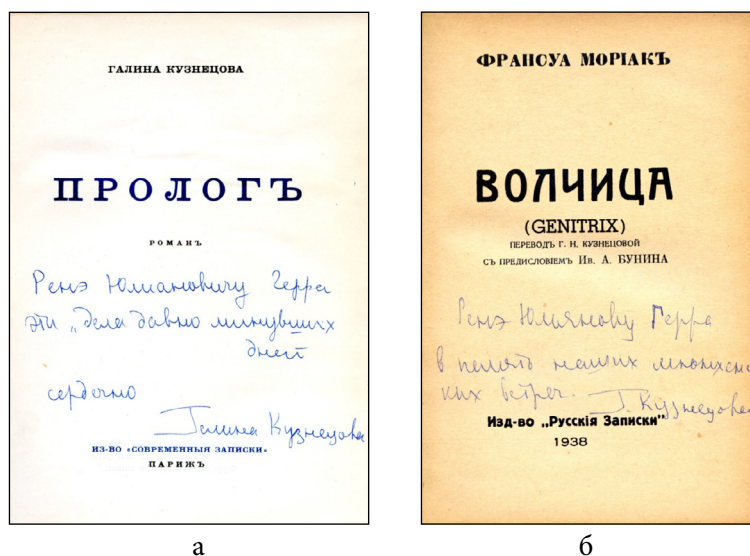

Рис. 6. Фотографии из личного архива Рене Герра: а – Г. Кузнецова. Пролог. Париж, 1933. Дарственная надпись автора Р. Герра; б – Ф. Мориак. Волчица. Перевод Г. Н. Кузнецовой. Париж, 1938. Дарственная надпись Р. Герра
Fig. 6. Photos from Rene Guerra's personal collection: а – G. Kuznetsova. *Prologue*. Paris, 1933. Gift inscription to R. Guerra; б – F. Mauriac. *The She-Wolf*. Translated by G. N. Kuznetsova. Paris, 1938. Gift inscription to R. Guerra

Есть ли еще во Франции собиратели русского искусства, кроме Вас?

Нет, подобной коллекции литературы и уж тем более русского искусства Вы не встретите. Те, кто раньше шли в славистику, придерживались коммунистических взглядов, поэтому в тот момент, когда можно было что-то собирать, никто, кроме меня, этого не делал. Я же собирал, понимая, что все это уникально. У меня в этой комнате два книжных шкафа: один шкаф – книги И. А. Бунина,

другой – Б. К. Зайцева. Я подружился с музой И. А. Бунина – поэтессой Галиной Кузнецовой¹⁵. Незадолго до своей смерти она передала мне весь архив, в том числе и любовные письма И. А. Бунина к ней, и первый вариант «Грасского дневника». Она понимала, что без меня это все пропадет, все выкинут. Я специально ездил к ней в Германию, чтобы забрать архив и библиотеку (рис. 6). И. А. Бунина я, к сожалению, не застал. Но я знал его окружение. Часто бываю на вилле

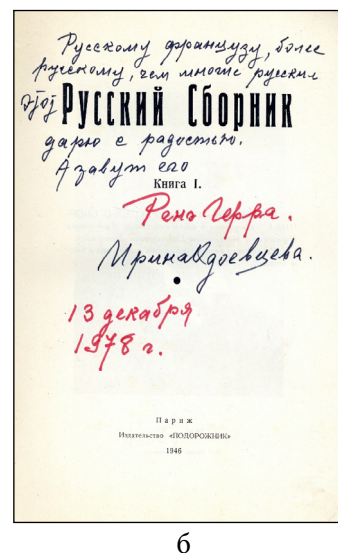

Рис. 7. Фотографии из личного архива Рене Герра: а – И. Одоевцева и Р. Герра. Париж, конец 1970-х гг.; б – Русский сборник. Париж, 1946. Дарственная надпись И. Одоевцевой Р. Герра
Fig. 7. Photos from Rene Guerra's personal collection: а – I. Odoevtseva and R. Guerra. Paris, late 1970s; б – *Recueil russe*. Paris, 1946. Gift inscription by I. Odoevtseva to R. Guerra

¹⁵ Кузнецова Галина Николаевна (1900–1976) – русская поэтесса и писательница, мемуаристка.

«Бельведер» в Грассе, где он долго жил и писал свои шедевры.

У меня много документов, причем рукописей. Мне все это дарили. В том числе весь архив Ирины Одоевцевой, которая меня увековечила в своей книге «На берегах Сены». Она была очень милая дама, талантливая, любовь Гумилева все-таки. Дружба с ней была для меня подарком (рис. 7). В 1978 г. я был свидетелем на свадьбе Ирины Одоевцевой и писателя Якова Горбова¹⁶. Потом в перестройку в 1987 г. она вернулась в Россию, как вы знаете. Я ее провожал тогда в СССР и понимал, что она хотела там блистать. Это все было наивно, но она прожила в эмиграции больше полувека и не понимала, насколько изменилась Россия.

Задумывались ли Вы о будущем коллекции?

Надо бы сделать музей, но вряд ли я его сделаю в Ницце. На мой взгляд, в Ницце этого не заслужили. В 1995 г. я организовал в Ницце в городском музее современного искусства большую выставку «Изгнание русской живописи во Франции: 1920–1970»¹⁷. На три месяца предоставил 400 картин из своего собрания. Часть из них привез из Парижа на грузовике за свой счет, но мне даже никто за это спасибо не сказал в мэрии.

А в каком городе Вы бы хотели сделать музей?

Возможно, в Каннах. Я там вырос. В Каннах у меня вилла от родителей.

Музей вы хотите сделать во Франции?

Надо бы, потому что белые эмигранты сами выбрали Францию после Октябрьской революции и Гражданской войны. С их выбором нужно считаться, они это заслужили. И все, что я делаю, – дань памяти им, моим друзьям, великим изгнанникам. Без них я бы не стал русистом-славистом. Но пока это сложно. Посмотрим.

*Материал подготовлен по плану НИР
ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация
книжной культуры в социальных коммуника-
циях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.*

*Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.*

Конфликт интересов

*Автор заявляет об отсутствии конфликтов
интересов, требующих раскрытия
в этой статье.*

Благодарность

*Автор статьи и редколлегия журнала «Книга.
Чтение. Медиасреда» благодарят господина
Р. Герра за интервью, любезно предоставленные
иллюстрации, участие в подготовке номера,
посвященного русские.*

¹⁶ Горбов Яков Николаевич (1896–1981) – русский писатель, поэт, литературный критик, редактор журнала «Возрождение».

¹⁷ Они унесли с собой Россию... : Русские художники-эмигранты во Франции, 1920-е–1970-е : из собр. Ренэ Герра : кат. выст. / [авт.-сост. А. Толстой, Р. Герра]. Москва : Авангард, 1995. 166 с.